

Элиты вне и внутри профессии в процессе перехода от аристократического общества XIX века к демократии XX века до сих пор не обрели устойчивых культурных ориентаций. Быстрая смена потребительских и властных сфер препятствует становлению устойчивых нормы и принципов. Судьба архитектуры зависит от того, как будут складываться элиты и насколько сама профессия сможет влиять на свой культурный статус.

Ключевые слова: нормы культуры, архитектурные школы, звезды архитектуры, массовое общество, демократизация, авангард. /

In the shift from aristocratic society to democracy professional and social elites still are lacking definite cultural norms and attitudes. Rapid change of tastes and political influence blurs common attitudes and values, intuitive and rational methods of decision making, moral and artistic values. Architectural schools trying to accommodate to those changes lose their professional permanency.

Keywords: aristocracy; democracy; avant-garde; mass society; schools; architects; norms; tastes.

Элиты и звезды современной архитектуры / Elites and Stars of Modern Architecture

ТЕКСТ
Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

Пытаясь понять судьбы профессии, архитектуры как профессии, нельзя игнорировать социальную ситуацию, сложившуюся в XX веке.

XX век можно считать веком окончательного формирования массового общества, когда все институты, доставшиеся ему по наследству от предшествующих эпох, испытывают огромные трансформации. Сегодня уже все понимают, как эти изменения коснулись науки, еще в XVIII веке бывшей делом очень узкой группы интеллектуалов, объединенных в кружки, королевские общества и имперские академии и вдруг сделавшейся важнейшим органом военно-промышленного комплекса и систем массового образования. Наука, давшая в руки политиков атомную бомбу, показала, что масштабы ее влияния не просто глобальны, но глобально опасны.

Позднее в этой же роли вслед за физикой оказались такие естественные науки, как биология и экология, вирусология и генетика. С одной стороны, они в свою очередь заняли стратегическое положение и вышли из-

под идеологического контроля церкви или тоталитарной партии вроде ВКП(б), с другой – заставили пересмотреть основные этические стандарты и традиции мировых религий и, как мне кажется безуспешно, критически переоценить плоды Просвещения.

Наука так и не смогла выдвинуть всеобщих принципов нравственности, формировавшихся культовыми практиками. Ценность человеческой жизни была радикально девальвирована в ходе гражданских и мировых войн. А ценность существования человечества подорвана идеологией прогресса, так как прогресс переставил акценты с настоящего на будущее и ценностным объявил только будущее человечества, которое, кроме этой новой ценностной функции, никаких более конкретных антропологических свойств так и не приобрело.

В архитектуре авангарда – в архитектурном футуризме – будущее тоже стало важнее прошлого. Но позиция настоящего, или текущего, момента при этом сделалась неопределенной. Настоящее уже перестало быть наследницей ценностей прошлого, но не стало и феноменом реального будущего. Настоящее заняло все пространство деятельности и заботы, так и не обретя своего трансцендентного смысла.

Это легче показать на примере архитектуры, которая, за десять с лишним лет выработав альтернативу тысячелетней проектной традиции, сделала ее средством перестройки поверхности земного шара, начав с крупных городов, постепенно распространяя на всю поверхность планеты.

Динамика архитектурного модернизма опиралась на несколько разных источников:

1. Феномен урбанизации и стремительное распространение городского образа жизни, сделавшее миллиарды людей жителями новой индустриальной среды с новыми средствами коммуникации.

2. Идеология демократии, сменившая родовую аристократию на интенсивно меняющиеся партийные и финансовые элиты.

3. Индустриализация строительства, бытового обслуживания, торговли, транспорта и коммуникации.

4. Дизайн или проектные технологии управления массовыми процессами производства и потребления через

изобретение и распространение массовых стандартов моды.

Архитектурный футуризм и утопизм уступил место практике удовлетворения потребности городов в массовом жилище, масштабы которой исключали индивидуацию и внедряли массовые стандарты и нормы, подкрашенные эротикой наслаждения. Дизайн, как и алкоголизация и наркотизация масс, сделались не менее действенными средствами, чем проповеди новой церкви – Голливуда. Кино вскоре дополнилось другими культовыми формами проповеди норм – радио, печатью и телевидением.

Эти процессы неплохо описаны с разных точек зрения. Прежде всего, естественно, со статистической. Статистика распространения городских поселений, их территорий и нового городского образа жизни объясняет не только необходимость развития массового индустриального и типового стандартного строительства, но и расширение сферы проектирования, занятого строительством массового жилища и зданий для массового обслуживания новых территорий – супермаркетов, вокзалов, транспортных сооружений, и пр.

Постепенно к массовому жилищу и учреждениям городской торговли, транспорта и культуры прибавились здания администрации и офисов новой городской бюрократии. Последние строились и проектировались как символы развивающегося финансового и политического истеблишмента. Наконец, все эти статистические и культурные сдвиги привели и к изменениям в подготовке архитекторов в архитектурных школах. Снижение уровня индивидуального проектирования и использование типовых и стандартных схем, разумеется, понизили уровень и глубину профессионального прироста в профессии, но темпы увеличения объемов строительства в десятки и сотни раз не могли не сказаться и на росте масштабов и количества участников соответствующих институтов.

Быстрое торжество авангарда и стандартизация модернистских схем не способствовали углублению творческой проработки новых методов проектирования, и здесь стандарт и схематизм искупались и оправдывались масштабными потребностями гигантского рынка строительства роста городов в настоящем, а не в будущем.

Появление массовой профессиональной печати и фотографии обеспечило распространение образцов. А развитие строительной технологии – их реализацию, причем повсюду – как на севере, так и на юге, как на западе, так и на востоке. Но это все достаточно банальная подоплека, от которой придется перейти к более существенной теме – судьбе элит.

В доиндустриальную эпоху архитектура находилась во власти элит, и элиты эти, как феодальные, так и буржуазные, долгое время оставались узкими и обслуживались избранными архитекторами, в основном вышедшими из академий. Авангард вывел на сцену новые профессиональные группы и элиты, объединившиеся сначала по внутрипрофессиональным идейным основаниям – футуристов, конструктивистов, экспрессионистов, а затем и по принадлежности к элитарным заказчикам – государству, олигархам, звездам культуры.

Что касается элит заказчиков, то в этой среде постепенно старые дома и кланы пополнялись нуворишами, и нувориши избрали для себя наиболее эффективные образы футуристической и утопической архитектурной эмблематики.

В СССР, однако, пионеры буржуазной эстетики оказались в числе классовых врагов, и лишь к 80-м годам XX века здесь установились наконец общие с западным буржуазным истеблишментом вкусы авангардистской и поставангардистской архитектуры. Все это хорошо изучено теми, кто писал историю Вхутемаса и Баухауза – от их борьбы с традицией, шельмования их консервативными

кругами и тоталитарными властями до восстановления в моральных правах. В СССР жертвами стали и лидеры новой архитектуры, их группы и объединения сталинским указом были распущены и заменены новым бюрократическим аппаратом Союза архитекторов, занимавшимся под наблюдением ЦК профессиональной критикой и образованием. Какое-то время была восстановлена в правах и наследница императорских институтов – Академия архитектуры, но после хрущевских реформ она уступила место бюрократическому министерству – Госгражданстрою и его институтам. Восстановление Академии (РААСН) в 80-е годы ничего не изменило: академия сохранила свой бюрократический, а не творческий смысл.

На Западе происходило нечто подобное, но в иных организационных формах. Группа СИАМ – как международное объединение модернистских архитектурных элит – постепенно утратила свой статус, а новые объединения оказались довольно эфемерными и неустойчивыми. Место реальных элит заняли университеты и их архитектурные факультеты, в которых особую роль играли действительные лидеры архитектурной мысли, а не назначенцы, как в СССР.

Попытка вернуться к идейным объединениям в начале 60-х годов (НЭР и пр.) ничего не дала. Так как в бюрократической системе это было затруднено партийным формализмом, а со стороны идейного содержания слишком слабо, чтобы противостоять новым общемировым безликим стандартам коммерческой и бюрократизированной проектной сферы.

Отсутствие профессиональных элит не компенсируется ни появлением на профессиональном горизонте своего рода «звезд», ни формальным существованием бюрократизированных исследовательских и учебных институтов. Понятие школы, ранее связывавшееся с идейной индивидуацией элит и групп, утратило свой смысл, сохранив только марки (бренды) типа МАРХИ и пр., питавшие свой авторитет прошлым, в основном авангардистским, но уже утратившим профессиональный смысл.

Попытки как-то изменить положение в сторону демократических и гуманистических идеалов, предпринимавшиеся еще в 20-е годы Деддесом, Мамфордом, движением партисипации, экологической волной, остаются легкой пудрой на безликой реальности проектного стандарта. Радикализм новых архитектурных звезд остается такой же погрешностью в руках массмедиа, как радикализм неомарксистской критики и прочих радикальных групп. Опять-таки лишь в рамках медийного щекотания нервов.

Итог. Массы и элиты, разрушенные революциями XX века, остаются как геологическая структура профессии, но не как ее интеллектуальный или этический ресурс, сколько бы ни пытались нас уверить в этом сами бюрократические институты новейшей генерации.

Обезглавленная промышленной революцией потребительская масса и обезглавленная авангардом и тотальным влиянием бюрократии профессия оказались жестко разделены на эту массу, удовлетворяемую стандартами строительного дизайна и моды, разного рода комфорта и оригинальничания, и финансовые элиты, которые удовлетворяют свои эмблематические потребности творчеством новой профессиональной элиты (архитектурных звезд), неспособной ни воспроизвести, ни спасти культурный багаж профессиональной традиции и обреченной на ту же роль медийных клоунадов в архитектуре.

Чтобы охарактеризовать взаимосвязь массового и элитарного уровней в сегодняшней архитектуре, легче всего назвать его резонансом многозначительного молчания потребительских масс и профессионалов под аккомпанемент медийной критики, рекламы и разного рода институциональных шоу в виде премий и награда.